

ГУМАНИТАРНЫЙ КОНТИНУУМ И(ЛИ) ОВСЕЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ КОРПОРАТИВНОСТИ

Аннотация. В статье траекторно просматриваются культурно-исторические последствия и мировоззренческие издержки корпоративно-рыночного дискурса образовательных услуг и обосновывается стратегия гуманитарного континуума в дисциплинарном пространстве вузовских специализаций.

Ключевые слова: образование, специалист, компетенции, личность, мировоззренческая эрудиция, идеологемы корпоративности, человеческий капитал, образованность, миссия вузов, гуманитарный континуум.

Summary. The purpose of the article is to trace the cultural and historical consequences and worldview cost of the corporate-market discourse of learning services. Much attention is given to the justification of the humanitarian continuum strategy in the disciplinary space of university specializations.

Keywords: Key words: education, specialist, competence, personality, worldview erudition, ideologemes of corporativity, human capital, accomplishments university mission, humanitarian continuum.

«Специалист подобен флюсу» или, в более нелицеприятной форме, «профессиональному кретину». Таковы (иронично-жесткие) классические диагнозы тех версий образовательных «услуг-усилий», которые настойчиво продавливаются в учебный процесс в качестве априорных аксиом «обучающего Разума». Даже сама органика слов (*специалист, компетенции и т.п.*), используемая для классификации будущих выпускников и их (итогового) интеллектуального статуса, красноречиво свидетельствует об этих «бессознательных оговорках» современного Левиафана рыночных запросов.

Человек, в его экзистенциальной фактуре Личности, признан факультативным «дополнением» к технократической особи, способной «компетентно» (или, по Веберу, «целерационально») и «методично» следовать наработанным алгоритмам «корпоративного существования» в той или иной области социального бытия. «Технический (а в идеале, «виртуозный») исполнитель» профессионально организованной «воли к жизни» (объявляется) самодостаточным субъектом процессов воспроизводства товарно-денежных масс и разнообразных артефактов собственной работоспособной «проприетарности», вознаграждаемой «дозами благополучия».

Фактически, нынешняя система вузовского образования маргинально обитает в мейнстриме «догоняющего развития» ситуативных турбулентностей хаотизированного рынка труда. Когорты «специалистов» (с внутренним стенанием) пополняют ряды «современного пролетариата», вынужденного профессионально самоутверждаться в режиме шокового переучивания и нравственного смятения. При этом, его «человеческие качества» и «социальный кругозор» (и без того, зачастую, весьма скромные) не воспринимаются ни им самим, ни, тем более, властью предрержащими инстанциями, как невостребованный ресурс и синергетический аттрактор. «Мировой Разум» Гегеля и «духовные арсеналы оптической нестандартности» сиротливо доживают свой век в философских музеях «восковых фигур прошлого», а «тяга к Абсолютному» признана «избыточной роскошью» элитарных бездельников.

«Целесообразное» узурпировало пространство смыслов. «Сиюминутное» становится общеисторическим трендом. «Успешность» (лукаво-гламурно-вызывающе) теснит по всем направлениям совесть и архетипы человечности. «Адаптивность» прыгливо оттирает на обочину повседневности святости моральной принципиальности и аристократичной чистоплотности. «Виртуальная анонимность» начинает флешмобить и тромбировать кровотоки коммуникативных нарративов, обрекая человеческие контакты на заочную анонимность «знакомств» с отретушированными социальными и персональными «мнимостями». Даже хвалёное «англосаксонское джентльменство» дезавуирует себя воплями о (корпоративной) «солидарности золотого миллиарда», имеющего «эксклюзивное право», невзирая на «презумпцию невиновности», объявлять «нерукопожатными» всех, кто бытийствует в противовес с «вашингтонским (сакрализованым) консенсусом». Таковы *тенденции-личины «современной цивилизации»*, озабоченной утилитарными амбициями и тотально (тоталитарно) экстраполирующей свою идеологию «сектантских стандартов» на мировоззренческую плоть поколенческих эстафет.

Университетское образование изначально мыслилось в системе «универсальных координат» (*фундаментальной рецептивности*). Миссия университета виделась не столько в «опережающем обслуживании» узкопрофессиональных конъюнктур конкретного социума, сколько в расширенном воспроизводстве Личности, предрасположенной к креативной множественности, полифоничной по духу и этически ангажированной к ответственному само(сть)обнаружению в лабиринтах бытия и профессиональных ниш. «Высшее образование» предполагало не специалиста, а «кристаллизацию пассионарности», культурно-историческую проективность «профессионала с человеческим лицом». Да, он насыщался и «специальными знаниями», но ценностно доминировало (предположение того, что *«все прогрессы реакционны, если рушится Человек»* (А. Вознесенский)). Мировоззренческая масштабность воспринималась как плацдарм для всех иных личностных объективаций.

Свершившийся в двадцатом веке цивилизационный нигилизм общечеловеческих феноменов «абсолютного духа» (художественное воображение – религиозная возвышенность – философская всемирность) и подмена их прагматическими соображениями профессионального бедуинства, рекламных сновидений, шоу-ликований и театрализованных огорчений, опутал паутиной экзистенциальных фальсификаций и намоленные бескорыстным служением вузовские аудитории. Её Величество «Прибыль» прибыла править бал в империю пролегоменов человечности, чтобы «откадрировать» ее по своему частнобизнесническому усмотрению! Общество гипнотически согласилось с переоценкой ценностей вузовского образования и (с хлыстовским самобичеванием) передало его на поруки «искусственного интеллекта» корпоративных «социальных заказов».

Как ни прискорбно напоминать, но, порою, «новое» – это хорошо (или специально) «подзабытое бывшее». Заметьте: «не старое» (то бишь «устаревшее»), а всего лишь «однажды (уже) сбывшееся» и «пылящееся» в архивах исторической памяти, ожидая там своей осовремененной актуализации. *Преемственность, как ремарка непрерывности*, возрождается (или должна быть возрождена) из «пепла многоликих социальных дискретностей», разрушающих смысловую плотность и аксиологическую цельность человеческой индивидуальности, взыскующей «не хлеба единого» начисленных зар-

плат и самоубийственных «зрелищ божественной гордыни идолов суеты». Вузовское образование нуждается в «человеческом измерении», в преодолении идеологии самодовлеющих специализаций, которые изначально и инвариантно обречены «опаздывать» на подиум «профессиональных компетенций» и (нижайше) извиняться за свою (якобы) «образовательную нерасторопность».

Необходимо (*вновь!*) осознать, что система высшего образования (в отличие от средне-специального) призвана не столько «выполнять планы по распределению» энного количества (исходно профессионально «недообразованных») выпускников, сколько «*давать путёвку в жизнь*» Личности, наделённой специальными знаниями в определённых областях социальной жизнедеятельности и обладающей культурно-исторической панорамностью восприятия Мира и цивилизационных перспектив собственной корпоративной эволюции. Достичь же подобного *эффекта «креативной многомерности»* возможно лишь при условии серьёзного (воз)обновления гуманитарных ипостасей вузовского образования, осуществления их своеобразной «срезжесированной интервенции» в дисциплинарное пространство учебного процесса.

«Гуманитарный блок» должен перестать рассматриваться в качестве «(начального) эпизода» и «одоления исторической традиции» вузовского планирования. Следует выстроить своего рода «гуманитарный континуум», предполагающий «*точечную акупунктуру*» *мировоззренческой эрудиции студентов* и изымающий их профессионально сегментированное мышление из интенции замыкания в исключительных зонах «натасканной работоспособности». Такой «трудящийся корпоративного сообщества» будет неизбежно вирусносителем штаммов рефлекторного исполнительства своих «должностных обязанностей» и массовым реципиентом социального контекста. Он не сможет инициировать ни собственное (непрерывное) самообразование «длинною в жизнь», ни энтузиазм ответственной (за всё в окружающем бытии) индивидуальности. При всём (возможном) космополитизме его «жизненных» устремлений, такой «специализированный субъект», останется «туристом из провинции» национальных, географических, конфессиональных и иже подобных «корпоративных кварталов».

Как нам представляется, и мы при этом не считаем себя «прекраснодушными идеалистами-романтиками», гуманитарная непрерывность вузовского образования (с точки зрения трансценденций исторического горизонта), обязательно(!) должна включать в себя следующую цепочку дисциплинарных векторов освоения мировоззренческого капитала человечества: *культурология – философия – социология и политология – философия и социология специальностей и специализаций – этика – корпоративная и прикладная этика – дипломное проектирование с предписанной гуманитарной экспертизой человеческих смыслов и последствий обсуждаемых профессиональных новаций.*

Культурологическое знание вводит студенческую аудиторию в многослойную традицию экономического, художественного, символического, информационного и архетипического опыта человечества по обживанию Мира и своей «биологической природы»; наделяет матрицами сравнения «своего и чужого»; культивирует «паттерны историчности» и открытость ойкумене разнообразных «ценностных вселенных» человеческого бытия.

Философия изымает наше восприятие Сущего из речитативов повседневной мозаичности, обнаруживает глубинное «единство разнородного», присущее данностям

эмпирической пестроты; побуждает мыслить «всечеловечески»; тиражирует образцы герменевтической рационализации «хаосов неразумия и безумия», периодически накапывающих на человеческое сознание; предлагает категориальные каркасы экспликации наличного бытия и прогностического предвосхищения назревающих и(ли) возможных мегатрендов бытийной эволюции в целом и смысложизненных координат homo sapiens, в частности.

Социологические и политологические дискурсы призваны концептуализировать и диверсифицировать нашу «историческую социальность»; структурировать подсистемы человеческого общежития и их взаимосвязи; охарактеризовать свойственные человечеству «типологии воли к власти», их персонифицированные облики и поведенческие проекции; оснастить инструментарием артикуляции разнообразных потребностей и интересов, свойственных этносам, нациям, корпорациям и иным коллективным сообществам.

Наконец, подключение к императивным парадигмам этического сознания раскрывает человеку глаза на его личностную сущность, фокусирует внимание на способах экзистенциальной самоидентификации, подчиняет «корпоративную солидарность» общечеловеческим должностностям, внедряет понимание того, что вся человеческая жизнь, во всех её проявлениях и экспектациях, пронизана не столько свободой волеизъявления, сколько априорной (безоговорочной) ответственностью за каждое наше «начинание собственной (свободной) уникальности» перед лицом соблазнов обезличенного существования.

На финише гуманитарной траектории вузовского образования следует как бы «кодифицировать моральные безусловности» профессионального среза человеческого бытия, развести между собой «этикетные приличия» корпоративного сосуществования, номенклатуру добродетельных услуг по толерантному визированию чужого самолюбия, гипотетические императивы (в терминологии Канта) оптимально целесообразного разрешения производственных конфликтов и категорическую «этику самоопределения» между этосом честолюбивой «чести» и стоическим героизмом человеческого достоинства.

Выпускник вуза должен ассимилировать в свою профессиональную деятельность *установку на «всечеловеческий резонанс»* собственных личностных акций; на *«жизнь в предположении»* пограничных эффектов его жизнетворчества; на *пронзительное «участное мышление»* (М. Бахтин) в отношении (всегда возможной) «судьбоносности» продуктов его корпоративного производства (для «остального человечества»), засвидетельствованного им самим «от своего лица».

Жизнь в профессии и жизнь как таковая оказываются всё равно «версиями Жизни» и потому предполагают швейцарское «благоговение перед жизнью», напоминающее о том, что «Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая тоже хочет жить...». Однако, чтобы в полной мере органично (а не цитатно) переживать это высокое мировоззренческое откровение, *необходимо обладать нафосом ответственного существования*, ориентирующего человека к «почти спонтанной этичности подвижничества», в любых «прикладных казусах» повседневного (пре)бывания.

Профессиональные знания обязательны и неоспоримы! Корпоративная солидарность и кодексы профессиональной этики уместны и нужны! Но! «Не продаётся вдохновение, хоть можно рукопись продать!» Вдохновение же рождается из палитры

эрудированной ассоциативности, создаваемой из «материала» профессиональной компетенции и культурно-исторической традиции мировоззренческой чуткости к бытию и его глобальным экзистенциальным зовам!